

Вячеслав Тельнин

ВОСТОМЦНАНЦЯ
«КИЗИФА»

Вячеслав Павлович Тельнин
Воспоминания «кизифа»
Серия «Москва газетная»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48474314
Воспоминания «кизифа»: Общественная ассоциация молодых
музыкантов, поэтов и прозаиков; Астрахань; 2019
ISBN 978-5-6043130-5-3

Аннотация

Главный закон диалектики гласит: противоположности совпадают. Не зря в сказке Иван-дурак становится царём. А в этой книге рассказано, как умный оказывается дураком...

Содержание

Биография	5
Воспоминания «кизифа»	7
08.11.2014-31.12.2014. На основе писем Люде Чертилиной	7
Далее идут слова на основе моих писем Игорю Усманову. 30.12.2014 – 06.01.2015	17
Амбулаторное лечение в диспансере (2/06.1982-?/12.1984)	22
Последующие разы в Винзилях и в дневном стационаре	26
Психиатрические больницы и люди в них	28
Почему меня перевели в Овсянку	30
Моя вторая больница – Овсянка	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Вячеслав Тельнин

Воспоминания «кизифа»

© Вячеслав Тельнин, 2019

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов,
поэтов и прозаиков, 2019

Биография

Я – Тельнин Вячеслав Павлович – родился 28.04.1959 в Тюменской области. 8 лет учился в тюменских школах. Потом 2 года в Новосибирской ФМШ (физико-математической школе). И ещё 5 лет на физфаке НГУ (Новосибирского государственного университета). Немного поработал в Красноярском институте физики. И много лет писал компьютерные программы для нужд кафедры акушерства и гинекологии Тюменского государственного медицинского университета. Последнее время проживаю в Санкт-Петербурге. Увлекаюсь теоретической физикой и английским. «Волшебным Словом» («Пирикук») начал заниматься в 1985 году.

Воспоминания «кизифа»

*Лежать в психиатрической больнице –
Как будто пребывать в огне...
Выходишь из неё переотлитым –
Как сталь, что крылась в чугуне.*

Тельнин В.П., 6 ноября 1990 г.

08.11.2014-31.12.2014. На основе писем Люде Чертилиной

Люда Чертилина – моя одноклассница по Новосибирской ФМШ.

Я нахожусь на 2-й группе инвалидности, но подрабатываю на полставки лаборантом в ТюмГМУ – пишу разные программы для нужд кафедры акушерства и гинекологии. Это с апреля 1986 года. А в свободное время копаюсь в науке.

«Старости» – это прошлое. Ещё в последнем классе ФМШ я принял решение отдать всего себя науке и поэтому не жениться. В универе эта мечта конкретизовалась – заниматься теоретической фундаментальной физикой. И обязательно гравитацией (это после спецкурса Кулакова по грави-

тации на 2-м курсе). Но тут вмешался альпинизм. Он отнял у меня много времени и сил. И в итоге по квантовой механике я получил не 5, а 4, по ФЭЧ (физике элементарных частиц) у меня образовался долг, из-за этого долга не допустили к защите диплома, на военной кафедре сказали: раз я без диплома, то должен идти служить в армию рядовым (хоть по военке у меня долгов не было), и выдали на руки приписное, чтоб я встал на учёт там, куда я устроюсь работать. Вот так завязался узел, который тебе, как психологу, должен быть понятен как причина для моего глубокого стресса.

Так меня занесло в Красноярск, где был институт физики им. Киренского – где можно было заниматься наукой, и Столбы – где можно было заниматься скалолазанием и альпинизмом и тем самым отдыхать от работы. Чтоб меня туда взяли, я съездил туда и показал свою зачётку. Меня взяли на место своего кандидата, которого готовили в старшие лаборанты.

Никак не могу всё связно изложить! – что-нибудь да упускаю.

В общем, работать мне пришлось в экспериментальной лаборатории, а не в теоретическом отделе (туда я побоялся пойти со своим долгом по ФЭЧ). И работа была мне не по душе. И чувствовал, что я не на своём месте. И работы с ЭВМ мне тоже не давали – у них был свой человек, который считал что-то себе на ЭВМ и мог посчитать и любому другому. Я думал, что со своим уровнем знаний по-быстрому сделаю свою ра-

боту, а потом у меня будет свободное время для занятий по душе. Но я ошибся. В Красноярском Академгородке наука была не ниже чем в Новосибирском Академгородке, и с меня требовали по полной мере. А вот институтская столовая работала только в обед. Специальных столовых – как в Новосибирском Академе – здесь не было. В магазине нечего купить. Голодуха. А на работе недовольны мной – судя по зачётке, они ожидали большего. Жил я в общежитии. Клопы, – чего не было в ФМШатских и универовских общежитиях в Новосибирске. Тут уж не до альпинизма. Кстати, гуляя около общежития, я увидел эдельвейсы – они обычно растут в горах, видимо, местные альпинисты завезли.

Теперь **новости** – это близкое прошлое. Этой осенью тяжело заболела мать. Перенесла несколько операций. И всё ещё в больнице. И у отца несколько дней назад появились боли в мышцах пояснично-крестцового отдела и в мышцах ног. Был у врача, но пока улучшения нет. Ходит с трудом.

Есть у меня ещё и брат. Не вмешайся он – а живёт он в Петербурге – то через неделю мама бы умерла от голода (только она поест, и тут же рвота – всё наружу).

А живу я вместе с родителями в Тюмени.

На этом сегодня кончаю. В другой раз ещё что-нибудь на-

пишу. А знаешь ли ты что-то про Юрика Панкова?

Продолжу свои «старости». Однажды я оделся не по погоде идя на работу и простыл. После этого у меня стал болеть левый бок ночью. А я не понял, отчего он болит. И стал искать причину. И не находил. Всю ночь не спал. На вторую ночь история повторилась. Утром я не пошёл на работу. Третья ночь тоже была бессонной. А мозг работал, размышлял на разные темы. И тут я почувствовал, что если позволить мыслям идти в прежнем направлении, то я перейду грань ума и безумия. Но желание что-то придумать пересилило, да и боль не давала уснуть. И я перешёл эту грань.

И был ещё день, а вечером сосед по комнате (он тоже работал в той же лаборатории, что и я) передал мне привет от моего начальника. А восприятие и трактовка событий у меня уже изменились, и я неправильно интерпретировал этот привет... Была и четвёртая ночь, когда мысли шли уже независимо от боли в боку – я уж не помню – была ли эта боль в эту ночь. Но граница была перейдена, и в песнях Высоцкого я обнаруживал новый смысл. За простыми словами людей я видел глубокий смысл, касавшийся меня. И результаты своих ночных размышлений я изобразил на бумаге и отправил родителям в Тюмень. На работу я опять не пошёл. А решил лететь в Новосибирский Академ повидать одну свою знакомую. Взял все свои документы, но сперва решил помыться в бане (в душе общежитском мне нравилось меньше, чем в

настоящей бане, и я ездил в Красноярск – всего 15 минут до города).

А теперь **немного новостей**. В этом учебном году приехала комиссия аттестовать наш вуз – или как академию (что было до этого несколько лет), или же как университет (этот статус выше, чем академия). И наша кафедра тестировала студентов в сентябре на выживаемость знаний. 5-й курс на 12 компьютерах по моей программе, а потом 6-й курс (тоже по моей программе) – на 33 терминалах. Года 2 назад тоже приезжала комиссия и тоже мы тестировали студентов на 8 компьютерах и на 16 (что ли) терминалах.

Сейчас я стараюсь распространить свою программу за пределы кафедры, но пока никак. Да и после каждой попытки обнаруживались слабые места в программе. Приходилось её переделывать, совершенствовать.

Продолжу свои **«старости»**. В Красноярске после бани на остановке подошёл не мой автобус, а я с чего-то решил, что это мой автобус. И сел в него. Проехал какое-то время и на одной из остановок вышел, решив, что это моя остановка. Иду по улице неизвестно где и увидел, что у магазина берут ящики с водкой и вносят в магазин. И я вдруг решил напиться. Подошёл к ящикам и взял одну бутылку. И пошёл. Один из грузчиков меня заметил и побежал за мной. Я от него, он за мной. Когда я понял, что меня догонят, то поднял бутылку и бросил её с силой на асфальт. Она разбилась. Я остановился, закрыл глаза и лицо руками. И стал ждать, что

будет дальше. Но ничего не происходило.

«**Старости**». Вокруг ничего не происходило. Я убрал руки от лица и открыл глаза. Грузчика нигде не было видно. И я пошёл дальше, сам не зная куда. Были ещё события, но я их пропущу. Перейду к концовке моих шатаний по Красноярску. Я иду по улице, а вокруг стоит полная тишина. И никого не видно. Я решил, что остановилось время и надо как-то его пустить. А как? И подумал, что для этого будет достаточно сломать стекло в окне дома, мимо которого я тихонько пробежал. Я стукнул кулаком по стеклу, но оно было как камень – мой удар был для него ничем. Я удивился, но время надо было как-то пустить, и я, собрав все силы, стукнул уже по другому стеклу – первое стекло я уже пробежал. И оно разбилось. И сразу же я услышал низкий рык мощного двигателя где-то впереди по улице. Время пошло! Я успокоился. Ещё где-то поблуждал и остановился на углу какого-то дома недалеко от мужчины. Он подошёл ко мне и крепко взял за рукав шубы. И сказал: «Это ты разбил стекло в окне – я видел». Подошёл ещё кто-то – вроде женщина. Он ей сказал: «Вызовите милицию, а я его подержу». И она ушла. А я был рад, что кто-то появился и, может, он возьмёт меня к себе и я не буду в этом новом мире один. Подошла собака и взглянула на меня. А я вспомнил песню Высоцкого «Охота на волков» и решил, что это сам Высоцкий в волчьем обличье пришёл ко мне. А тут подъехал «ГАЗик» милицейский. Заднюю дверь открыли и посадили меня туда. Не зря, видимо, гово-

рится – «Далеко пойдёшь, если милиция не остановит».

«**Новости**». Был 2008-й год. Эти плохие состояния меня замучили – 2 хороших дня подряд, а следующий после обеда – плохой. А ведь было лет 5-7 назад 8 хороших дней подряд, а следующий после обеда – плохой. Постепенно схлопываются хорошие дни. Скоро будет 1 хороший и за ним 1 плохой. А там и вообще каждый день будет плохой... И я сдался – говорю маме: «Веди меня снова в дневной стационар или куда захочешь». А дневной стационар на новом месте, далеко от дома. Но нашлась маршрутка от нашего дома и до самого дневного стационара. Был август. Там мне ставили капельницы, давали таблетки для приёма и там и дома. Смотрели старые записи о моих прошлых курсах лечения в дневном стационаре. И вот курс пройден, препараты подобраны. А тут и начало нового учебного года. Вдруг оказалось, что составлены новые методички по акушерству для 4-го курса и из них (в электронном виде) надо извлечь новые тесты и привести их к виду, который берёт моя тестирующая программа. А тогда я это делал только вручную.

И пошла работа. И было много хороших дней и мало плохих. Чтоб подготовить все темы для тестирования, у меня ушёл весь учебный год и летний отпуск 2009 года, а также январь-февраль 2009-го на долечивание в дневном стационаре. И оказалось, что хорошие дни есть, а плохих нет. Такие препараты подобрали мне в этот раз. Правда, на них уходила вся моя маленькая зарплата. Для житья оставалась пенсия.

Ну и жил-то я с родителями.

«Старости». В милиции у меня забрали все документы, просмотрели их. Потом спросили: «Как тебя зовут?» Я ответил: «Яхвэ». (Это ещё в Доме учёных лектор рассказывал о Библии и как правильно произносить имя Бога.) В тот момент я считал себя Богом. Милиционер смотрит в документы, затем на меня. Слушая разговоры милиционеров между собой, я понял, что я разбил окно в паспортном столе. Потом милиционеры сказали мне: «Посиди пока» – и разошлись. Остался один у входа. Долго я сидел. Потом меня снова посадили в «ГАЗик» через заднюю дверь и повезли куда-то.

Привезли, завели внутрь здания. Просторный холл. Вдали широкий проход, а над ним надпись крупными буквами: «ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА». На вахте милиционер сдал мои документы и ушёл. Название я понял, но что это значит для меня, не осознал. Меня провели в широкий проход.

«Новости». Подготовил тесты для 4-го курса по акушерству, установил их по базам, где были компьютеры (вся кафедра разбросана по городу по роддомам – 4-му, 3-му, 2-му, онкодиспансеру, в клинике медакадемии и ещё где-то). А тут уже методички по гинекологии для 5-го курса появились. Я принялся за них. На них ушёл тоже весь учебный год (2009-2010) и летние каникулы. Развёз новые тесты по гинекологии по базам и стал свободным. А тут появилась новая

версия языка программирования Visual Basic:2010. VB10. А я до этого изучал VB6. И написал на нём несколько программ для самого тестирования и для его подготовки. Но было ещё что автоматизировать, и я решил сделать это на новом языке. Скачал из Интернета упрощённую версию, а потом и полную. Для моих целей годились обе.

«Старости». Так начались мои мотания в психиатрических больницах. Сначала в образцово-показательной городской. Потом в Овсянке – под Красноярском. Затем в Винзилях под Тюменью. После – в дневном стационаре Тюменской областной. Причём в двух последних по несколько раз. В 1982 году мне дали 2-ю группу инвалидности (в Винзилях). Потом каждый год переосвидетельствование. Через лет 10 дали пожизненную 2-ю группу. То есть больше не надо проходить переосвидетельствования.

«Новости». По VB10 я купил литературу и стал его изучать. Одна книжка не пошла, зато другую я проработал всю (кроме одного примера). Потом решил применить его к автоматизации ввода новых тем из электронного вида. Написал программу Vvod.exe. А вводить нечего. На другой год написал программу ввода ктв (коэффициентов трудности и важности вопросов). Тоже на VB10. На третий год написал ещё одну полезную программку – для объединения нескольких текстовых файлов в один. На VB10. Так у меня подобрался пакет из 8 программ для подготовки и проведения тестиро-

ваний на компьютере. Из них 5 написаны на VB6 и 3 – на VB10.

А матери опять стало хуже...

Моя мама скончалась 1 декабря в 1 час 30 минут ночи. В больнице. Здоровье отца тоже пошатнулось. Прилетал брат из Питера, организовал похороны. Скорее всего, он в следующем году заберёт нас в Питер.

А я всё никак не свыкнусь с мыслью, что всё вокруг меня сменится и я окажусь в новом мире. Что то, что я высоко ценил, придётся выбрасывать, и забирать с собой лишь всё самое необходимое. Не зря говорят, что три переезда равны одному пожару.

Это были слова на основе моих писем Люде Чертилиной. 08.11.2014 – 31.12.2014.

Далее идут слова на основе моих писем Игорю Усманову. 30.12.2014 – 06.01.2015

А с Игорем Усмановым я вместе занимался в альп-секции НГУ.

Когда я ехал в Красноярск, то были такие соображения: там дальше от Новосибирского Академгородка и поэтому там уровень науки ниже. И я со своими знаниями быстро сделаю работу и займусь тем, что мне интересно – гравитацией и вообще теоретической фундаментальной физикой. А в качестве отдыха от всего этого – лазить по столбам и заниматься альпинизмом.

Но не вышло. Оказалось, что уровень науки в Красноярске такой же высокий и времени на свои интересы нет. Это меня и подкосило. И стало не до альпинизма и не до столбов. И выхода не было.

Появилось постоянное напряжение. Разрядка произошла так.

Однажды я пошёл на работу одетым не по погоде и простыл. И ночью у меня разболелся левый бок. Он не давал спать. Появилось время для размышлений о том, что меня

интересовало. И я его использовал. Следующую ночь бок тоже болел, и я тогда не мог понять причину. И снова ночь прошла в размышлениях. В эту ночь я понял, что приблизился к черте, за которой лежит безумие. Или я продолжу свои размышления и сойду с ума, или же мне придётся смириться и расстаться с мечтой. А бок всё болел. И я решил идти до конца, до какой-нибудь интересной мысли или результата. И на третью ночь я осознанно перешёл ту черту. А бок всё болел (теперь я думаю, что это был миозит – воспаление мышц). И четвёртую ночь я тоже провёл без сна. И появились какие-то «результаты». Но тогда я этого не замечал – я уже был за гранью.

«Конец был прост – пришёл тягач, и там был трос, и там был врач, и МАЗ попал куда положено ему», – цитата из Высоцкого. Утром я решил лететь в Новосибирск, взял все документы с собой и деньги. Тут-то и проявилось то, что я был за гранью разума. Решил зачем-то сперва вымыться в бане (там я каждую субботу ездил в Красноярск из Красноярского Академгородка мыться в бане, а не в общежитском душе). И уже в бане какой-то мужик сказал: «Что-то этот парень не в себе». После бани к автобусной остановке подошёл не мой номер автобуса, но я с чего-то решил, что это тот, что надо, и сел в него. Через несколько остановок я решил, что надо выходить. И вышел. После этого я совершил ещё несколько несуразностей, за одну из которых меня забрали в милицию.

Там со мной разобрались и отправили по адресу – в городскую психиатрическую больницу.

Там мне поставили какой-то укол и тряпками привязали к кровати – чтоб спокойно лежал. Я и лежал спокойно, пока какая-то сила не стала давить на моё сознание. Оно стало сжиматься и меркнуть. Я не хотел умирать и стал бороться изо всех сил. Но тряпки держали крепко, и, вопреки моему сопротивлению, моё сознание померкло.

Так я познакомился с аминазином. Сознание вернулось утром.

Там я пробыл дня 3 и всё время пребывал за чертой, хотя ночами вроде спал. Про бок не помню, чтобы он мне в чём-то мешал. Видел, как за длинный стол со скамейками по обе стороны усаживались обитатели. Им что-то давали, но меня никто не приглашал, а я и не думал, что мне тоже надо сесть с ними. Голода я не чувствовал. Только в туалет пару раз сходил.

Потом в документах обнаружили, что у меня нет городской прописки (почему – это отдельная история), и поэтому меня отправили в Овсянку. Городская больница – рай, Овсянка – ад, только в этом аду работают ангелы. Как иначе назвать человека, которому я двинул по голове железной спинкой от кровати (когда меня потащили на укол, а я-то теперь

знаю, какие у них уколы), а когда через несколько недель (я уже был по эту сторону черты) я потерял всякую волю к борьбе за жизнь, он первый заметил это и обратился к медсёстрам, чтоб они мне помогли.

Вырвала меня из этого ада мать. Получив сигнал тревоги от моего начальства, она, прихватив отца на всякий случай, прилетела из Тюмени в Красноярск и – в Овсянку. На проходной её с отцом остановили – в моём бараке умер солдат от дифтерии и теперь мой барак на карантине – никого не выпускают и не впускают. А уже было темно. И она, оставив моего отца в проходной, сама пошла дальше. Нашла моего врача, поговорила с ним, а он рассказал ей, где мой барак. Она нашла окно, под которым была моя кровать. Она посмотрела на меня. Потом она как-то сумела устроить встречу меня с ней и отцом. Сказала, что скоро заберёт меня отсюда, – чтоб подбодрить меня.

Потом они вернулись в Тюмень и (она работала в Тюменском мединституте на одной из кафедр старшим лаборантом) она пошла к завкафедрой психиатрии Приленскому Ю.Ф. и рассказала о своей беде. Он оформил ей по-быстро-му нужные документы, и она снова в Красноярск, в Овсянку. Мой врач сказал, что документы солидные и он может отправить меня в Тюмень самолётом (с сопровождающим), несмотря на карантин.

Так я попал в ТОКПБ – Тюменскую областную клиниче-

скую психиатрическую больницу в Винзилях под Тюменью.

ТОКПБ была тоже переполнена, но не так, как Овсянка, — там спали по 2 на 1-й кровати, а здесь матрасы стелили на пол на свободное место. Одному человеку — 1 матрас, подушка, одеяло. После Овсянки снова рай. Дня через 4-5 освободилась койка, и я переехал на неё. Когда общее время пребывания в 3-х психиатрических больницах стало 6 месяцев, то меня направили на комиссию на продление больничного ещё на полгода. А комиссия вместо этого дала мне 2-ю группу инвалидности на год. И через 3 месяца меня выписали — 2-го июня 1982 года. Все выходные, пока я был в больнице, родители меня навещали. И подкармливали и поднимали моё настроение. А на мой день рождения (28 апреля) врачи отпустили меня с родителями на машине в лес с палаткой напрокат и ночёвкой там. Было солнечно, и мы даже позагорали. За полгода больничного мне прислали перевод из Института физики. Я хотел ехать туда, продолжать работу, но врачи сказали, что я должен жить с родителями. И если и искать работу, то в Тюмени. А вообще-то 2-я группа нерабочая, и мне начислили пенсию 60 рублей в месяц.

Это были слова на основе моих писем Игорю Усманову. 30.12.2014 – 06.01.2015.

Амбулаторное лечение в диспансере (2/06.1982-?/12.1984)

Через маму обо мне узнала одна студентка из мединститута – Миля, которая занималась в тюменской альпсекции. И она привела ко мне ещё 3-х человек из альпсекции. Один из них – Андрей – был уже инструктором и водил группы альпинистов на восхождения. Но год назад его укусил энцефалитный клещ и врачи запретили ему ходить в горы. А он всё равно ходил в альпсекцию и стал восстанавливаться и планировал в ближайшее время снова идти на восхождение. Сама Миля и её друг недавно получили значок альпиниста. Они часто меня навещали, мы делали несколькокилометровые прогулки по городу, они рассказывали, как занимались на скалах «Семь братьев» на Уральских горах. Звали и меня на тренировки в свою секцию. Но мне сначала надо было найти работу. Куда мама ни ходила со мной – везде отказ. Андрей вроде нашёл место, но оно вскоре оказалось занято. Состояние моё было таким, что я написал такой стих:

Есть память тяжести безделья,
Когда в уме стучит одно –
Какое бы найти заделье?
Любое – мне уж всё равно.

Если мне доводилось помыть машину у отца в гараже, то это радость была для меня.

Раз после выписки из больницы у меня появилось много свободного времени, то я стал повторять то, что мы изучали в универе – электродинамику, квантовую механику (по книжкам, которые я перед Красноярском в нескольких картонных коробках увёз из Академа в Тюмень). Дошли руки и до книжки Дирака «Принципы квантовой механики», которую я купил в «Академкниге». Прочёл её от корки до корки. И вроде всё понимал.

Ещё я читал адаптированные книжки на английском языке для старших классов средней школы. Причём не сборники рассказов, а повести, где успеешь привыкнуть к героям и интересно, что с ними будет дальше. Как и в универе, я выписывал новые слова и вечерами повторял их для заучивания. А вставал я в 12 дня. Ложился в 11-12 вечера. Это из-за таблеток, которые мне пришлось принимать снова (при выписке мне отменили все таблетки). Регулярно я делал 8-километровые прогулки по городу и по пути заходил в книжный магазин, где был букинистический отдел с книгами, в том числе и с адаптированными повестями на английском.

Так прошёл год, и вновь была ВТЭКовская комиссия. Я ждал снятия 2-й группы и возвращения в Красноярск, но обманулся. Группу продлили ещё на год.

А тут открылось новое здание Тюменской областной научной библиотеки – ТОНБ. Раньше я часто ходил в её старое здание – бывшую церковь. И теперь снова стал туда ходить. Стал читать биографии крупных учёных. И обнаружил, что практически у всех были психические заболевания. И это даже считается нормой.

Роясь в каталогах, я наткнулся на книгу Дирака «Общая теория относительности». Я заказал её и обнаружил, что она тоненькая по сравнению с книгами других авторов. И я подумал: хоть бы мне опять продлили группу на год – тогда бы я смог изучить эту книгу. Теперь я оценил, что даёт мне общество, продляя группу, – оно даёт то, чего мне не хватало в Красноярске – свободу в выборе объекта исследования. Да ещё и подкреплённую материально. Изучай то, что тебе интересно.

Весной опять была ВТЭК – и мне снова продлили группу на год. На этот раз я не огорчился, а обрадовался – смогу заняться книжкой Дирака по гравитации! И занялся. Читать можно было только в читальном зале – на руки такие книжки не давали. И когда я её изучил всю, то сделал рукописную копию. И она мне потом пригождалась не раз.

А в июне под влиянием одной статьи (про недавно открытые гипердействительные числа) в журнале «Наука и Жизнь» я задумался о числах – откуда берутся новые числа?

И нельзя ли самому построить их? По каким законам они строятся? Я попробовал искать ответы на эти вопросы. И нашёл. Но опубликовать было негде. И я опять занялся теорфизикой.

Последующие разы в Винзилях и в дневном стационаре

Пробыл я второй раз в Винзилях месяца 2-3. Выписали. В начале 1985-го я с мамой побывал в Академе. Повидался с одnogруппниками – с тремя, двое в Новосибирске, один в самом Академе. Навестил одну знакомую и узнал, что она вышла замуж. И домой.

Взял у одnogруппника (его жена оказалась из Тюмени) книжку Гегеля «Наука логики». И у него там написано: «Практика – критерий истины». А нас учили, будто это материалистическое высказывание и что Гегель – идеалист. Я читал эту книгу месяца 2. Прочёл. Мои материалистические основы «поплыли». И я снова попал в Винзили. Тоже месяца на 2-3. За эти 2-3 месяца я разобрался с противоречиями, которые возникли у меня во время чтения «Науки логики». В голове воцарился порядок, и меня выписали. Пока я ждал выписки, надумал сделать 3 дела, прежде чем я буду устраиваться в мединститут. К апрелю 1986 года я сделал 2 дела, а 3-е – лишь наполовину. И понял – остальную половину надо отложить на потом.

И меня приняли в мединститут на ту кафедру, где я написал программу по статистике. Но уже препаратором кафедры, а не программистом мединститута. Писать программки для нужд кафедры. Это я мог потянуть и взялся с радостью.

Зарплата 40 рублей в месяц (а пенсия 60). И с тех пор я работаю на этой кафедре 30 лет (если отсчёт вести с осени 1984-го и по январь 2015-го). После 1986-го я один раз ещё попадал в Винзили и 4 раза в дневной стационар в Тюмени.

1-го декабря 2014 года мама умерла. И, чтобы я не попал в Винзили навсегда, мой брат решил забрать и меня, и отца (которому тяжело пришлось, когда мама была в последней больнице) в свой город – Питер. Там ему будет легче навещать нас и помочь, если будет надо.

Вот и кончились мои воспоминания. Стоит заметить ещё, что здесь – в Тюмени – у меня вышло как мечталось: побыстрому сделать свою работу, а потом заниматься тем, что мне интересно. Только зарплата соответственно должности низка и альпинизмом не позанимаешься. Кстати, тот Андрей, которого кусал энцефалитный клещ, взошёл на какой-то 7-тысячник СССР, и с ним была встреча по тюменскому телевидению.

08.11.2014 – 06.01.2015.

На основе писем Люде Чертилиной и Игорю Усманову.

Психиатрические больницы и люди в них

Моя первая больница – в Красноярске

В Красноярской городской психиатрической больнице я провёл дня 3. И мало что запомнилось. Когда я зашёл в большую палату на первом этаже, там были люди. Недалеко от меня разговаривали двое. Молодой парень показал на своего более старшего собеседника и сказал: «Это Карл Маркс. Только без бороды». А я в это время считал, что я в другом мире. И принял его слова за правду. Помещение было огромным, высотой в 2 этажа. И в его задней части к потолку было закреплено с десяток больших цветных телевизоров. И все они что-то показывали. Молодого парня я почему-то принял за молодого Ландау. Сам я был физик по образованию и думал, может, мне придётся делать какие-нибудь эксперименты. Но для этого надо иметь приборы. Хотя бы время чем-то измерять. Мои часы забрали вместе с документами. И я спросил «Ландау», какие интервалы времени он в состоянии различать. Он ответил: часы, минуты, секунды, миллисекунды, микросекунды. Он воспринял мой вопрос как проверку его знаний о том, какие времена существуют, а я его ответ – как его способности.

Далее мне указали свободную койку в этом же помещении. На ней сверху лежали какие-то тряпки, похожие на уз-

кие тонкие полотенца. Я спросил, зачем они. Не помню, что он ответил мне, но я понял так, что они очень крепкие. Я сказал: «Но ведь железо ещё крепче» и для верности постучал ножкой железной кровати об пол. А тряпки же можно порвать. «Ландау» сказал: «Попробуй». Я рассуждал теоретически, а он ответил мне практически.

Вскоре пришла медсестра со шприцем и поставила мне какой-то укол. К уколам я привычный – от пневмонии несколько раз лечился. Только здесь мне сказали лечь на спину и этими тряпками привязали мои руки и ноги к койке. «Ландау» сказал: «Ну, пробуй – рви эти тряпки». А они так привязаны, что и руку не высвободишь, но и сосуды не пережимают. «Ландау» ушёл.

Прошло сколько-то времени, и какая-то сила стала давить на мои мысли, путать их, пытаться уничтожить меня. Я сопротивлялся изо всех сил. Наша борьба длилась примерно полчаса. И я был побеждён – моё сознание померкло.

Утром сознание вернулось ко мне. Как потом мне объяснили, мне поставили укол аминазина. А этот препарат грубый, устаревший, но ещё применяется в практике.

Почему меня перевели в Овсянку

После 2-го курса универа я слетал в Алма-Ату для совершения восхождений на норму значка альпиниста. Это был 1978 год, август. Получил плохую характеристику и надо снова идти в значки. Получить хорошую характеристику я смог лишь в 1981 году – в конце 5-го курса на альпиниаде. Но при этом пострадала учёба: у меня появились долги по последнему предмету – ФЭЧ (физике элементарных частиц), и из-за этого меня не допустили до защиты диплома (а диплом у меня был сделан). Меня вызывали в деканат объявлениями, но я не шёл туда. Но на распределение я пришёл. Одна заявка на меня пришла из ИЯФа (где я делал диплом), а вторую я сам привёз из Красноярского института физики имени Киренского.

На военной кафедре у меня всё было сдано, и, ещё в апреле 1981, присвоено звание лейтенанта. Но я этого не знал. И мне этого не сказали, а сказали в окошечко, чтоб я взял своё приписное свидетельство и встал на военный учёт по месту работы. Там меня заберут в армию служить рядовым. Их аргумент был – недопуск меня до защиты диплома. А меня обида взяла – стимулировать учиться надо, но не такими же методами. Вот поэтому я и не встал в Красноярске на военный учёт. А без этого меня и не прописали.

Моя вторая больница – Овсянка

Вскоре выяснилось, что в моих документах нет городской прописки. И тогда меня посадили в машину «скорой помощи» и куда-то повезли. По пути в машину загрузили какую-то старуху. Уложили её на пол (сидеть она не могла), и мы поехали дальше. Выехали из города. Сопровождающий спросил меня: «Ты с Марса?». Я ответил: «Нет, там ведь жизни нет». Ещё о чём-то поговорили... «Чтобы попасть в ваш мир, мне пришлось стать тахионом». Он подхватил новое слово: «Так мы тебя к тахионам и везём». Мне стало очень интересно. А вокруг уже ночь опустилась. Приехали.

Все пациенты уже лежали в койках. Две медсестры готовили наборы таблеток для них на следующий день. Мне показали койку, куда лечь.

Утром (или вечером ли) раздали таблетки, а меня ещё позвали в процедурный кабинет на укол. Я тут же вспомнил укол в городской больнице, ушёл и сел на свою койку. Процедурная медсестра позвала санитаров, чтоб привели меня в процедурную. В палату зашли двое в белых халатах и ко мне. Схватили и потащили меня на выход из палаты. А мне не хотелось снова «умирать». Я огляделся – чем бы защититься – и увидел перед собой спинку койки. У всех коек в Союзе спинки крепились к раме с сеткой одинаково. Я раньше и сам собирал и разбирал такие койки. И тотчас представил

в уме, как надо схватить, а потом как дёрнуть спинку койки, чтобы спинка койки отсоединилась от рамы с сеткой. И вот у меня в руках оружие – спинка койки. Все отскочили от меня. Один из санитаров пошёл по узкому проходу ко мне. Я ударил его спинкой по голове. Сзади подскочил второй санитар. Я отбивался как мог. В конце концов они уложили меня на мою койку и держали, чтоб сестра могла поставить мне укол. Потом меня отпустили. Санитары ушли, ушла и медсестра. Я стал ждать, когда укол подействует и я начну «умирать». Но так и не дождался. Видимо, это был другой укол – «не смертельный». После этого раза медсестра приходила ставить мне укол на моей койке и без санитаров.

Да, ещё, когда меня привезли, то показали туалет, но сказали, что сейчас воды нет. Я сходил по-малому, и в кране было немного воды. Я обмыл руки, а тут санитар соседнюю с туалетом дверь открывает. Я ему говорю: «Есть вода». Он – «Проверим». И заходит туда. Я за ним. Вдоль стены между этой комнатой и туалетом много кранов. А над ними слова: «XX лет Космической Эры». И я решил, что попал в будущее. И спросил санитаря: «Когда началась Космическая Эра?» Он: «В 1961 году – когда Гагарин в космос слетал». *А сейчас 1981 год – всё верно, да и календарь на весь 1981 год под подписью виден.*

Весь пол в этой большой палате был заставлен койками. Причём вдоль стен – в два яруса, а в середине так, чтоб больше коек уместилось, но и чтоб был проход к каждой койке.

Среди пациентов было несколько призывников. Один из них спросил меня: «Ты призывник?». Я вспомнил, что мне говорили в окошечко на военной кафедре, и ответил: «Да». Он спросил, из какой я команды. Я ответил первое, что пришло мне в голову – «Из 37-й» (1937 – год рождения моей матери). Он покачал головой – «Не слышал о такой команде». Потом он спросил: «А кто ты?». *Он о моей профессии спрашивает, наверно?* – «Я физик». После этого меня все Физиком называли. А один пожилой пациент успокаивал меня: «Ты на них не обижайся, что они так тебя дразнят, худого они тебе не хотят». А мне и в голову не приходило, что меня дразнят. Раз я на самом деле физик, пусть говорят.

Через несколько дней всех новоприбывших стригли наголо машинкой. Стриг тоже пациент, но из другой палаты. Стрижёт меня и вопросы всякие по физике задаёт. Но не простые, а как раз по ФЭЧ. На один из его вопросов я смог ответить лишь: «Это что-то из области квантовой электродинамики».

А один (тоже немолодой) лежит на койке, смотрит на меня и говорит: «кизиф». Я спросил его: что это значит? Он отвечает: «Это «физик» наоборот».

На соседней койке лежал мужчина лет 40-45. И он говорил, что сам приехал сюда лечиться. Это у меня не укладывалось в голове.

Ещё был баянист. Хоть он играл 3-4 разные вещи, но в той обстановке его игра поднимала настроение.

Каким-то образом тут же оказался глухонемой парень лет 18-20. Однажды утром я увидел его ботинки, засунутые сверху вечно открытого окна (хоть на улице был большой минус, но в палате было и не душно и не холодно). Потом увидел его самого – ходит и что-то ищет на полу. Ясно, что он искал ботинки. Я ему показал на них, и он обулся. Оказалось, что он ночью ходит в туалет и постукивает ботинками. Сам он ничего не слышал, а один из призывников просыпался от этих звуков. Его это так достало, что он и спрятал их от него. И меня ругал, что я показал глухонемому его ботинки.

Недели через 3 была баня. По особому проходу из нашего барака мы перешли в другое деревянное строение. Там было жарко натоплено, было всё, что надо для мытья. После этого нам выдали красивые новые корейские пижамы. И новое постельное бельё. У меня хватило сил вымыться, а вот сменить постельное – уже нет. Лежу на койке, на сложенном новом постельном, а тот мужик, что сам приехал лечиться, стоит рядом и увещевает меня менять постельное. В больницу поступает больше людей, чем выписывается. И на одной койке сейчас лежит два человека. Вот и ко мне на койку положили этого мужика. Вот он и уговаривает меня встать и менять постельное. Он и до этого был мягким, уступчивым, слова не говорил поперёк. Минут через 20-30 ему надоело уговаривать меня: «Нет, больше унижаться перед тобой я не намерен...» Впервые он сказал такие слова. Я лежу и радуюсь, что он меня ругает. На душе даже легче стало, что он

показал свою внутреннюю суть. И скоро я поднялся, и мы стали менять постельное бельё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.